

"Пишу вам из России..."

(Письма Евгения Замятина к Максимилиану Волошину)

Максимилиан Волошин. Избранное. Стихотворения. Воспоминания. Переписка.

Минск, "Мастацкая літаратура", 1993

Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Захара Давыдова и Владимира Купченко

[OCR Бычков М. Н.](#)

Летом 1923 года, после длительного перерыва, вызванного гражданской войной и голодом, снова начался "съезд северян в Крым". Именно к этому времени в жизни М. А. Волошина произошли два важных изменения: в январе умерла его мать и он встретил М. С. Заболоцкую. "В лице Маруси Заболоцкой я нашел подлинного друга, сотрудника и спутника, о котором мог только мечтать",-- делился поэт с Ю. Оболенской в письме от 25 декабря 1923 года. В этом же письме он рассказывал об эксперименте, предпринятом им, благодаря стечению трех вышеназванных обстоятельств. "Я, оставшись единственн<ым> распорядителем своего дома, решил сделать опыт *последовательного коммунизма*: превратил его в бесплатн<ый> дом отдыха для писателей, ученых и художников -- частн<ым> образом, вне государственных санкций. Результаты были блестящи: у меня за это лето жило 200 человек гостей (считая только тех, что провели под кровлей больше одной ночи). Жили все очень дружно, крепко, редко кто покидал Коктебель без слез..." В конце письма Волошин повторял: "Это лето было очень хорошо, радостно и содержательно: как лучшие лета довоенн<ого> времени. В извест<ном> смысле общий дух дома был даже лучше, т. к. совсем не было *жильцов*, а только гости. Из литераторов был Чуковский, Евгений Замятин, которого я совсем не знал лично до этого, но очень ценил по литературе. Из поэтов -- Мария Шкапская и много людей, имеющих отношение к литературе. Художников -- почти никого. Остальные были люди случайные, но все очень милые и редко хорошие".

Замятин прибыл в Коктебель 20 августа -- и на другой день писал жене: "У Волошина -- 2 дачи, очень хороших. Живет человек 20 разного народа -- еще не всех видел и знаю. Он был очень рад мне, кажется,-- по случаю приезда устроил у себя чтение своих стихов -- до 12 ночи..." Свою комнату писатель сравнивал с кельей: "белая, толстостенная, маленькое окошечко, кровать, стол, стул. Примитивно весьма". 28 августа Замятин сообщал, что "уже забронзовел: полчаса -- минут 40 каждый день лежу на солнце, на пляже". Из волошинских гостей Евгений Иванович отметил "молодую врачебную чету москвичей -- ассистентов моск <овского> ун<иверсите>та", писательницу М. М. Шкапскую, студенток Института слова И. В. Карнаухову и С. А. Толстую, московскую актрису З. А. Сахновскую. "Сам Макс Волошин -- очень интересен. У него прекрасная библиотека".

3 сентября приехал К. И. Чуковский, давний и хороший знакомый Замятина. (5 сентября М. С. Волошина писала знакомой: "Сейчас у нас самая яркая пора: Чуковский и Замятин".) Из других писем узнаем, что в тот же период в Коктебеле были: поэт Г. А. Шенгели, помощник прокурора Верховного суда СССР И. С. Кондурушкин, редактор "Ленинградской правды" И. М. Майский, советский дипломат И. С. Кожевников. В просторной мастерской волошинского дома регулярно проводились литературные чтения: Волошин читал свою поэму "Протопоп Аввакум", Замятин -- свой роман-утопию "Мы". Мария Степановна пела -- на собственный мотив -- стихотворение Ф. Сологуба "Заря-заряница".

В конце сентября Замятин встретился со знакомыми инженерами-путейцами, среди которых был начальник Курской железной дороги. 3 октября, вместе с ними и К. И. Чуковским, он выехал из Коктебеля на север...

По-видимому, в октябре 1923 года Евгений Иванович писал Волошину из Петрограда: "Дорогой Максимилиан Александрович. Киммерийски приветствую Вас и Марию Степановну -- воздевая руку к небу. Хотя, впрочем, тут это, пожалуй, не годится: три недели я в Петербурге и ежедневно созерцаю сквозь окно, как некое серое ящеричное брюхо ползает по самым крышам. Никогда ничего хорошего из этого не выходит, когда небеса забывают свое место и пробуют устроиться на земле: одна слякоть. И внутри как-то очень сыро, и все люди ходят сутулые -- голову в плечи -- как Ремизов, будто боятся стукнуться макушкой о небо.

Очень все стукаемся -- просто мочи нет. Приехал -- первое, с **чем** поздравили: Катковы на мой роман "гузном сели" -- по-Аввакумовски говоря. Ну, тут другого, по правде говоря, и не ждал. А вот то, что без меня вышел мой роман с вырезанными из него двумя рассказами -- это уж подарок. Спасибо. На днях послал в "Круг" Воровскому статью ("О литературе, революции, энтропии и о прочем" -- для